

А. И. ПОПОВ

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В НОВГОРОДСКИХ  
БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

В последние годы к числу источников истории и языка Новгорода и новгородских земель XI—XV вв. прибавился новый источник — берестяные грамоты. Это замечательное открытие А. В. Арциховского представляет широкое поле для исследователя — историка и лингвиста, причем то, что уже найдено, и возможности дальнейших находок обещают весьма существенно изменить и дополнить наши представления о северной республике и ее населении.

О берестяных грамотах как новом виде источников истории и культуры Новгорода и новгородских земель XI—XV вв. появился уже ряд замечаний исторического и лингвистического порядка, включая и опубликованные А. В. Арциховским материалы (с комментариями) о результатах раскопок 1951 и 1952 гг., а также некоторые предварительные публикации в журнале „Вопросы истории“ и других изданиях.

Учитывая вполне понятную неполноту разъяснения многих мест новгородских грамот на бересте, постараемся внести сюда некоторые дополнения, касающиеся встречающихся в них прибалтийско-финских личных имен.

\* \* \*

Грамота № 2 из раскопок А. В. Арциховского<sup>1</sup> интересна для нас тем, что содержит ряд личных имен „чуждского“ происхождения; в ней указаны, по-видимому, феодальные повинности, размер которых определен мехами:

1. „Аекуевъ бела, росомуха. У Фоме 3
2. куници. У Мики 2 куници. У Фоме соху
3. даль дару куницю. Вельяказа 4 кун
4. ица. Игугмор на Волоки куница. У Мятещи
5. 2 куници. У Вельютовых 2 куници. У Возем
6. ута 2 куници. У Филиппа 2 куници. У Намест
- 7—8. а 2 бели. У Жидили куница. Воликом острове куница.
9. У Вихтимаса 2 белки. У Гостили 2 куници. У В
10. елюта 3 куници. У Лопинкова 6 бел“.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 21—25. Эта грамота была обнаружена в Новгороде при раскопках 1951 года; датируется она примерно XV веком, так что принадлежит к числу поздних.

<sup>2</sup> Точная орфография подлинника нами не соблюдалась.

В отличие от подавляющего большинства других берестяных грамот этот документ содержит текст на обеих сторонах листа, а пустое место тщательно прочеркнуто. В соединении с тем обстоятельством, что на первой странице текста имеется какой-то лишний неясный знак, означающий, вероятно, номер страницы, надо думать, что мы имеем здесь только один лист из берестяной книжки, а не цельный документ. Содержание этого листа, приведенное выше, очень напоминает отрывок из уставной грамоты или близкого по характеру делового акта.

Нас в данном случае будут интересовать в первую очередь вопросы о местонахождении указанных в грамоте географических пунктов и об этнической принадлежности упоминаемых ею имен не славянского происхождения.

Решение второго из них в значительной мере определяется решением первого, к которому и обратимся.

Следует по самому характеру грамоты думать, что в данном случае все указанные на дошедшем до нас листке личные и географические имена относятся к одной и той же местности небольших размеров. Здесь упоминаются: Игугмор-наволоок и Великий остров, определить местонахождение которых и представляет нашу первую задачу.

Что такое Игугмор-наволоок?

Единственное близкое по звучанию географическое имя представляет название селения на Водлозере в Карелии: Гумар-наволоок, значившийся согласно „Спискам населенных мест Российской империи“ прошлого века, в тогдашнем Пудожском уезде Олонецкой губернии. Селение это древнее, по крайней мере, оно указано в писцовых книгах XVI века под названием Гумор-наволоок<sup>1</sup>, т. е. в форме еще более близкой к Игугмор-наволоок берестяной грамоты, где начальное И, вероятно, только вспомогательное, возникшее в русской передаче.<sup>2</sup>

Все это было бы однако лишь не очень обоснованным предположением, если бы на помощь не пришло упоминание в берестяной грамоте Великого острова, который должен находиться где-то здесь же. Достаточно взглянуть в те же „Списки населенных мест...“, чтобы обнаружить этот географический пункт. Оказывается, что на одном из островов Водлозера имеется, действительно, селение Великостров<sup>3</sup>, одно из двух с подобным именем во всем списке селений Олонецкой губернии XIX века.

Таким образом, можно с большой степенью вероятности утверждать, что мы обнаружили то место, к которому относятся записи берестяной грамоты № 2 А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова. Это место — Водлозеро, расположенное к востоку от северной части Онежского озера<sup>4</sup> и имевшее даже в недавнем прошлом население, известное

<sup>1</sup> „Писцовые книги Обонежской пятины“, Л., 1930, стр. 173: погост Водлозерский за Онегом. См. также „Списки населенных мест Российской империи“, Олонецкая губ., СПб., 1879 (Пудожский или Пудожемский уезд), особенно № 3935 (Гумар-наволоок), № 3943 (Великостров) и др.

<sup>2</sup> Гумар-наволоок, Гумор-наволоок (древнее новгородское Игугмор-наволоок) происходит, как следует думать, от „чудского“ названия Гумар-ниemi или Гугмар-ниemi (финск. *huhma*, в карельских диалектах *huma* „ступа, толчея“; вепсск. *humbat* должно было ранее звучать близко к карельскому слову).

<sup>3</sup> В писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. указаны две деревни „на Великом острове“.

<sup>4</sup> Водлозеро — большое озеро Восточной Карелии со многими островами, на которых имеется ряд селений.

русским под именем „чуди“, но не карел. В этом убеждает и подробное изучение здешней топонимики, которая не имеет характера собственно-карельской, а ближе к вепсской или людиковской: Вавдиполь<sup>1</sup>, Варишпилда, Коскосалма, Канзанаволок, Маткалахта, Калакунда и т. п.

Большинство названий подобного рода не может быть отнесено к карельским и в значительной части они даже просто немыслимы в собственно-карельских диалектах.<sup>2</sup>

Поэтому лучше всего охарактеризовать данные названия как „чудские“, понимая под этим термином принадлежность названий какому-то исчезнувшему в настоящее время прибалтийско-финскому диалекту, наиболее близкому к вепсскому языку из всех ныне существующих видов речи этого типа.

Исходя из этого следует строить и все дальнейшие выводы.

В грамоте упоминаются следующие личные имена несомненно „чудского“ происхождения: Вельяказ, Вельютовы, Вельют, Вихтимас и некоторые др., а также прозвище Лопинков.<sup>3</sup>

Что означает имя Вельяказ с точки зрения данных прибалтийско-финских языков? В грамоте мы имеем Вельяказ („ять“ в первом слог), что следует читать, несомненно, как *Вильяказ* в соответствии с сохранившимися и до сих пор особенностями новгородских говоров.

Это имя нам хорошо знакомо из Новгородских писцовых книг<sup>4</sup> и других актов, в которых оно встречается много раз в форме Вильяк, Вильяка и т. п., как „чудское“, водское или ижорское имя. Вельяказ или Вильяк(аз) является „чудским“ соответствием эстонского *viljakas* (род. пад. *viljaka*) „плодородный, хлебородный“ (от *vili*, род. пад. *vilja* „жито, хлеб (в зерне); плод“).

Отсюда же и имя Вельют, встречающееся во многих древнерусских актах, большею частью в форме Вильят, как опять-таки „чудское“, водское или ижорское имя, широко отражено в топонимике. Таким образом, основой личных имен Вельяказ и Вельют следует считать „чудское“ соответствие финского-суоми *vilja*, эст. *vili* „хлеб (в зерне), жито“. Суффикс *-каз* в *Вельяказ* тот же, что в финском-суоми в словах *raha* *kas* „денежный, богатый“ (от *raha* „деньги“), *vara* *kas* „зажиточный, состоятельный“ (от *vara* „имущество, запас“), *nero* *kas* „гениальный“ (от *nero* „гений“) и т. д.; эст. *raha* *kas* „денежный, богатый“, *jutu* *kas* „болтливый, разговорчивый“ (от *jutt*, род. пад. *jutu* „рассказ, повесть, молва“), *karva* *kas* „волосатый“ (от *karv*, род. пад. *karva* „волос, шерсть, масть“) и т. п.; вепсск. *arvokaz* „ценный“ (от *arv* „цена“, *bardakaz* „бородатый“ (от *bard* „борода“) и пр.

В Вельют, Вильят и т. п. мы имеем другой суффикс *-m-*, чрезвычайно распространенный в древних прибалтийско-финских личных именах, которые хорошо изучаются по новгородским письменным источникам (там имеются сотни подобных имен: „чудских“, водских, ижорских, карельских и т. п.). В Новгородских писцовых книгах и других источниках находим имена: Лембит (многократно — у ижор, карел, води, эстов и т. д.), Тойвот („Тойвот Чудин“ и т. п.), Вильят (многократно, до Заволоцкой чуди включительно) и проч. — от „чуд-

<sup>1</sup> Ср. личное имя Вавдит в Новгородской уставной грамоте 1137 г. (см. М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. „Два памятника новгородской письменности“, М., 1952, стр. 20).

<sup>2</sup> В частности, для собственно-карельских данных было бы характерно не лахта, а лакши.

<sup>3</sup> Это прозвище вполне понятно ввиду наличия здесь значительного числа лопарей еще и в XVI веке.

<sup>4</sup> Указатель к Новгородским писцовым книгам.

ских" основ, соответствующих финскому-суоми *lempi* „любовь“, *toivo* „надежда, желание, упование, ожидание“ и т. д. Финскому *lemmitty* „возлюбленный, любимый“ есть, например, „чудское“ соответствие *Лембит*.

Заметим, что *-каз*, *-кас* и *-т* — не единственные суффиксы личных прибалтийско-финских имен, извлекаемых из русских и других источников XIII—XV вв.

Например, та же основа, которая соответствует финскому *toivo* „надежда“, образует в различных прибалтийско-финских языках имена (водские, ижорские, карельские и пр.): Тойвал, Тойвас, Тойват или Тойвут (Тойвот), Тойвой (Тойвуй) и т. д.<sup>1</sup> Помимо Лембит имеется также Лембей, Лембик, Лембуй, Лемпиев и проч.

Необходимо указать, что очень многие языческие прибалтийско-финские имена имели такие значения, как „любимый“, „жданный“ (сравни древнерусские имена Ждан, Неждан), „прелестный“, „чудный“, „восхитительный“ и т. п.

Так, если взять современное финское *ihana* „прелестный, прекрасный“, *ihanne* (*ihanteen*) „идеал“, *ihailu* „восхищение, обожание“, то найдем десятки соответствий ему в древних прибалтийско-финских именах: Игатко, Игай, Игаил, Игала, Игалтас, Игамуй, Игандуй, Игантуй, Игача и т. д. В том числе имя Игамас встречается неоднократно в писцовых книгах XV—XVI вв., иногда с соответствующим эпитетом: „Игамас Чудин“ (в Каргальском погосте Водской пятины).

Такие „чудские“ имена, как Игамас, Витамас и т. п., помогают нам удостовериться в прибалтийско-финском происхождении имени Вихтимас (в берестяной грамоте № 2). Необходимо отметить, что уже в известной уставной Новгородской грамоте 1137 года мы находим личное „чудское“ имя Вихтуй.

Какую прибалтийско-финскую основу имеем в именах Вихтуй и Вихтимас, точно сказать трудно в силу того, что здесь имеется не одна возможность.

Прямо напрашивается финск. *vihta* „веник“, эст. *viht* „веник“ (род. пад. *viha*), „пасмо, моток“ (род. пад. *vihi*), эст. *vihtuma* „хлестать, махать“. Однако следует иметь в виду такие слова, как финское *vihki-*, *vihkiäis-* (в качестве первого компонента сложных слов в значении „венчальный, подвенечный“), *vihkiä* „венчать, освящать“ и т. п. „Чудское“ *k* часто передается русскими через *т* (русс. *сярта*, *сярть* вместо *särkkä*; *нухта* вместо *pihka* и др.), и там, где имеем несколько возможностей, выбрать определенно то или иное решение мы не можем, поэтому лучше воздержаться от произвольных гипотез. В любом случае мы уверены в том, что Вихтимас является типично „чудским“, т. е. прибалтийско-финским именем.

В начале грамоты № 2 стоит прозвище, которое читают различным образом: „Аекуевъ“, „А Екуевъ“ и т. п. Это прозвище также типично „чудское“. В писцовых книгах мы имеем ряд таких прибалтийско-финских имен и прозвищ: Акуев, Аввуй, Виллуй, Милуев (Миллуев), Лемекуев и многие десятки других.

При этом следует заметить, что в случае, если мы имеем дело с остатком берестяной книжки, то возможно предположение о том, что *-екуевъ* является только окончанием прозвища, начало которого содержалось на предыдущей странице, до нас не дошедшей. Впрочем, имеется и другая возможность: нам кажется, что возможно чтение

<sup>1</sup> В русской передаче (из Новгородских писцовых книг XV—XVI вв.).

не „Аекуевъ“, а „Мекуевъ“, т. е. Микуев (и), если учитывать упомянутую выше особенность новгородских говоров.

В таком случае следует сравнить имеющееся в грамоте имя Мика, соответствующее финскому-суоми *Mikko* „Михаил“. Заметим, что в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. в Водлозерском погосте указан „след“ Мигуевых<sup>1</sup>, а также Гостилов наволоок (сравни имя Гостило в берестяной грамоте). Это также увеличивает вероятность отнесения материала грамоты № 2 к Водлозеру.

Следует указать, что в упомянутой писцовой книге 1563 г. при описании Водлозерского погоста наблюдается такое же отсутствие точного различия звуков *Е* („ять“) и *и*, как и в берестяных грамотах: „волочек Кемской“ и „волочек Кимской“.

Остальные, кроме разобранных нами, имена грамоты № 2 имеют русское происхождение, за исключением имени Воземут. Последнее вряд ли отличается по происхождению от остальных „чудских“; однако аналогий ему в других материалах не имеется.<sup>2</sup>

\* \* \*

Обратимся теперь вновь к писцовой книге 1563 г., к описанию Водлозерского погоста. Из него видно, что название „Великий остров“ существовало и тогда, так как здесь указываются деревни „в наволоке на Великом острове“ (сравни берестяную грамоту № 2: Воликом острове).

Необходимо указать на то обстоятельство, что в это время — середина XVI века — местное население, несомненно, еще не утратило своей „чудской“ речи. Об этом свидетельствуют двойные географические названия одной и той же местности: на „чудском“ и русском языках. Так, имеем в писцовой книге: „деревня на Воронье поле словет в Вариш-палды“. Это то самое место, которое в „Списках населенных мест...“ XIX века и других источниках названо Варишпилда или Варишпельда. Чудской оригинал звучал, несомненно, Вариш-пелдо, т. е. „Воронье поле“, как совершенно правильно и передает писцовая книга.

В той же книге 1563 г. в Водлозерском погосте указана местность „на Медвежье наволоке словет на Конде наволоке“, что опять-таки является точным переводом (сравни финское-суоми *kontio*, карельск. *кондый*, людиговск. *кондий*, вепсск. *kondi* „медведь“).

Таким образом, ясно, что местное население было знакомо больше с „чудским“ языком, чем с русским, по крайней мере, в отношении топонимики, которая „слыла“ в своей „чудской“ форме и только отчасти переводилась на русский язык.

Еще раз возвратимся к вопросу о характере того водлозерского прибалтийско-финского диалекта, который мы назвали „чудским“. Этот диалект не может являться собственно-карельским, ввиду наличия в нем ряда слов, имеющих другую форму у карел в собственном смысле.

Водлозерский „чудской“ диалект, например, всегда применяет термин „лахта“ (Курвалахта, в Шошолехте и пр.), соответствующий финскому-суоми *lahti*, эст. *laht*, но не карельскому *лакши*.

<sup>1</sup> Здесь же „деревня на Водлице... словет Микоевская („Писцовые книги Обо-нежской пятины“, Л., 1930, стр. 224).

<sup>2</sup> Возможное толкование (из карельских данных) предложено А. А. Беляковым (см. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 24).

В большинстве диалектов современного вепсского языка слово *laht* отсутствует, но из многочисленных топонимических фактов, относящихся к Белозерскому краю — земле древней Веси, мы знаем, что оно было в древневепсском. Вообще данные вепсского языка подходят довольно близко к водлозерскому „чудскому“ диалекту XV—XVI вв., но далеко неполностью совпадают с ним.

Действительно, „Игугмор-наволоок“ берестяной грамоты № 2., „Гумор-наволоок“ писцовой книги 1563 года, „Гумак-наволоок“ „Списков населенных мест...“ Олонецкой губернии XIX века, соответствует ближе всего финскому-суоми *huhmar-niemi*, а не вепсскому *humbar-nem*. Точно также некоторые формы писцовой книги 1563 г.: „на Овдыпелды“, „на Пелд-наволоке“ и т. п. ближе к карельскому *пелдо*, чем к современному нам вепсскому *рууд* „поле“. С другой стороны, такие названия того же источника, как Коско-салма и т. п., не являются собственно-карельскими. По этим соображениям, которые можно было бы развить очень подробно, следует предположить некоторую обособленность водлозерского „чудского“ диалекта от всех известных нам ныне видов прибалтийско-финской речи.

Не исключена, конечно, и возможность значительной диалектной смешанности в данном месте, как и вообще во многих местах новгородского Севера.<sup>1</sup> Все эти подробности не так уже существенны для нашего исследования.

Важнее всего для нас, в данном случае, то обстоятельство, что значительное число личных имен берестяной грамоты № 2 имеет несомненно „чудское“, т. е. прибалтийско-финское происхождение.

Заметим, что отдельные имена этого происхождения встречаются и в некоторых других новгородских грамотах на бересте из раскопок А. В. Арциховского.

---

<sup>1</sup> В „Списках населенных мест...“ Олонецкой губернии прошлого века население на Водлозере характеризуется как „обруселая чудь“. Разумеется, это указывает лишь на прибалтийско-финскую принадлежность речи этого населения в прошлом, без точных деталей.